

Л.Я. Лончинская* , А.Н. Лымарев*
**ИСТОРИЧЕСКАЯ «ПРАВДА» И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

В статье анализируются концепции исторического процесса с точки зрения источниковедения. В них традиционно используются официальные документы как источники исторического познания. В последние десятилетия растет интерес к другой стороне истории – истории повседневности. Данный подход требует тщательного анализа документов личного характера. Авторы рассматривают различные виды таких артефактов и специфику работы с подобной источниковедческой базой. Особое внимание уделяется источникам периода Второй мировой и Великой Отечественной войны. Только исследование всего комплекса официальных и личных документов позволит, по мнению авторов, до конца раскрыть все аспекты исторического процесса.

Ключевые слова: исторический процесс, источниковедение, исторические документы, личные документы, микроистория.

История складывается в процессе человеческой деятельности, которая в значительной мере детерминирована состоянием общественного сознания. Изучение этого аспекта исторического процесса в источниковедческом плане означает необходимость переоценки значимости различных категорий источников и изменения методологии их исследования, выявления в них имплицитных оценок мировоззренческого характера.

Работа с источником видоизменяется в зависимости от теоретической концепции исторического процесса. Можно выделить два различных подхода к пониманию истории. Первый предполагает наличие некоей законченной картины мира, которая определяется изначально заданными объективными законами развития общества. В этом случае целью исторического познания является поиск закономерностей и выявление их в событиях прошлого. Ценность исторического знания определяется способностью прогнозировать дальнейший ход исторического процесса. Теоретически, это значило бы существование способности влиять на ход истории. Как писал Н. Бердяев: «История только в том случае имеет положительный смысл, если она кончится. Вся метафизика истории ведет к сознанию неизбежности конца истории» [1]. Наиболее четко подобная позиция отражена в трудах американского ученого Ф. Фукуямы, писавшего, что «конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы правления» неизбежен [2].

Необходимо отметить, что к аналогичному пониманию исторического процесса относится и марксистская позиция. Благодаря ей, мы в совершенстве усвоили стремление к поиску закономерностей в исторических событиях, к выявлению за «видимой стороной» «сущности любого явления». «Сама потребность знать о мире приняла форму такого познания, для которого историческая истина – самоцель. В нашей стране это выразилось в приведении порядка вещей

* Лончинская Лариса Яновна - кандидат исторических наук, доцент. Челябинская государственная агроинженерная академия. г. Челябинск. lonchinskaya.l@gmail.com

* Лымарев Александр Николаевич - кандидат исторических наук, доцент, Челябинская государственная агроинженерная академия. г. Челябинск, limarev@mail.ru

в соответствии с порядком идей» [3]. Учитывая события последних десятилетий, нужно признать, что это очень опасная практика.

Другую позицию занимает позитивистская школа, которая стремится сделать историю на естественные науки, то есть предлагает отказаться от умозрительных схем и принимать во внимание любое историческое явление как свершившийся факт. «История не имеет смысла», - утверждал К. Поппер [4].

Эти два подхода наиболее оправдывают себя при изучении истории государств или больших общностей людей. Реконструкция крупных исторических явлений абстрагируется в этом случае от сознания, как самого исследователя, так и отдельных личностей, участвовавших в исследуемых событиях. От ученого требуется лишь добросовестный сбор исторических фактов. С точки зрения источниковедения при таком подходе вполне достаточно изучение лишь официальных документов, воссоздающих деятельность государственных структур, общественных партий и организаций, оказавших прямое влияние на ту или иную историческую ситуацию. Именно цели официальных органов и мероприятия, направленные на достижение этих целей, были предметом изучения и в отечественной исторической науке, что вполне укладывалось в рамки вышеозначенных подходов. Результатом подобных исследований должно было быть приближение к некоей объективной истине, существовавшей изначально и составляющей цель истории.

Но в этом случае из процесса исторического познания совершенно исключался сам творец истории – человек. Восполняют пробел концепции, предполагающие изучение человеческого фактора во всех его проявлениях и стремящиеся к появлению качественно нового исторического знания. Особенно важен такой подход при изучении периодов больших социальных потрясений, когда события перестают укладываться в привычные рамки и представления. Связи между явлениями трансформируются, правил, нормы морали и поведения становятся неэффективными, не приводят к желаемой цели. В такие периоды на первый план выдвигается субъективная, психологическая сторона исторического процесса. Так, например, В.О. Ключевский отмечал, что в Смутное время жизнь общества чрезвычайно усложнилась, классы выступили со своими требованиями и претензиями, и прихоти «польских шаек» или «тушинского вора» могли существенно отразиться на судьбах России» [5].

Осмысление таких периодов невозможно без работы с источниками личного характера (письмами, дневниками, воспоминаниями). Причем речь идет об изучении документов не выдающихся, известных людей, а вполне обычных, рядовых. Наиболее полную разработку такой подход получил у представителей «Анналов», в частности, ее основоположников Л. Февра и М. Блока. Они первыми обратили внимание на изучение ментальности как неотъемлемой части исторического процесса. Это позволило, с одной стороны выработать более разносторонние, гибкие, лишённые схематизма, убедительные объяснения исторических событий, с другой приблизить понимание истории к потребностям общества.

Но изучение личных документов требует от историка усилий по расшифровке строя мыслей, воззрений и умственных навыков

создателя памятника и его социальной среды. То, с чем сталкивается в историческом источнике исследователь, - не вещи, явления и события, а представления о них определенных людей, их образы, переработанные ими в соответствии с правилами их культуры. Поэтому речь идет о постижении ментального универсума людей иной культуры, таких установок их сознания, которые, возможно, ими самими не были осознаны и прорефлектированы. Таким образом, по-новому был осмыслен вопрос об отношении познающего субъекта к познаваемому предмету исследования. По выражению А.Я. Гуревича, это «отношение оказывается в высшей степени активным и творческим [6]. Развивая данный подход, некоторые историки заговорили о равенстве создателя источника и самого исследователя, который становится в таком случае его соавтором. Но тогда возникает опасность исчезновения самого предмета исследования. Необходимо не подмена сознания творца источника сознанием исследователя, а использование преимущества положения ученого в другой точке эволюционного целого, то есть возможности учета культурной ретроспективы, «исторического опыта». «В источнике исследователь должен увидеть автора, а не свою рефлексию о нем» [7].

В западной историографии сформировался ряд направлений, развивающих подходы, намеченные школой «Анналов». Все они опираются в своих исследованиях на разнообразные источники личного характера. Во Франции особое развитие получили так называемая «серая история» – история больших социальных групп, причем предметом исследования выступает повседневность, быт, обыденная жизнь определенных слоев общества, и «микроистория» отдельных семей, деревень, городов [8]. В последнее десятилетие аналогичные работы стали появляться и у отечественных исследователей [9].

Появление технических средств стимулировало появление «устной истории», исследований, основанных на устных воспоминаниях, опросах, мнениях. Начало таких работ связывают с попыткой изучения американскими историками материалов «атомного проекта», когда ученые, не имевшие доступа к секретным материалам, опирались на магнитофонные записи рассказов участников проекта. Впрочем, еще в годы Второй мировой войны в США делались попытки изучения духовного мира комбатантов путем опросов американских солдат. Большой интерес для исследователей представляют мемуары немецких военнослужащих [10].

Интерес к источникам личного характера формировался и в отечественной историографии. В частности в начале XX в. в своих трудах А.С. Лаппо-Данилевский особо выделял роль личности, утверждал неприемлемость трактовки человека как «великого существа», так как это приводит к «окончательному растворению человеческой личности в коллективном организме» [11]. Исходя из этих принципов, он рассматривал источники личного характера как «реализованные продукты человеческой деятельности» и разработал особую методику работы с ними, в которой главными были принципы вживания в источник, ассоциирования и заключения по аналогии.

В советской историографии неоднократно предпринимались попытки изучения истории на уровне личных документов. В частности, в 1960 - 1970-е гг. ряд исследователей анализировали воспоминания участников Великой Отечественной войны, солдатские письма и дневники [12]. Особое внимание уделялось мемуарам бывших врагов [13]. Но широкого распространения такие исследования не получили в силу целого ряда причин. Сказалось и существовавшее в науке предпочтение официальным документам, недоступность многих архивных материалов и расхождение результатов исследования с официальной доктриной. Но существовали и причины субъективного характера. Семейные архивы в 1930-е и особенно предвоенные годы постигла самая печальная участь. Во-первых, их увозили вместе с владельцами и нередко вместе с ними уничтожали, во-вторых, люди сами избавлялись от бумаг, которые могли бы им повредить, а поскольку повредить могли любые документы, уничтожение семейных архивов приняло массовый характер. В общественном сознании современников документы были не историческими памятниками, а потенциальной угрозой. Обычай хранить письма имели очень немногие семьи. Только в последние десятилетия положение стало меняться в лучшую сторону [14].

Появилось учреждение, которое практически на общественных началах взяло на себя сохранение и научную обработку личных документов. Но существование «Народного архива» не изменит ситуацию без целого комплекса мер, направленных на сохранение всех оставшихся памятников. Причем пользование ими должно стать доступным для ученых, а наиболее ценные материалы необходимо публиковать для широкого ознакомления. Изучение таких уникальных документов позволяет полнее понять исторический смысл происходящего в рамках человеческого измерения.

Известный философ, библиограф и архивист Н. Федоров считал, что любой человек имеет право на воскрешение, причем не абстрактное, а вполне конкретное, для чего необходимо собирать все материальные следы пребывания человека в этом мире. «Высокая нравственная цель истории, - писал он, - воскресить всех умерших» [15]. Подобное нравственное отношение к документам личного характера единственная возможность воссоздать подлинную историю, сделать так, чтобы Россия перестала быть страной «с непредсказуемым прошлым».

Литература:

1. *Бердяев Н.* Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. В кн. *Философия истории в России.* М.: 1996. С. 165.
2. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // *Вопросы философии.* 1990. № 3. С. 135.
3. *Рожанский М.* «Устная история» - философия памяти // *Общественные науки и современность.* 1990. № 6. - С. 149.
4. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Соч. в 2 т. Т.2. М.: 1992. С. 320.
5. *Ключевский В.* Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. 3. М.: 1988. С. 41.
6. *Гуревич А.* История и психология // *Психологический журнал.* 1991. Т. 12. № 4. С. 5.
7. *Румянцева М.* Опыт из лепета: повседневность как прорастание исторических смыслов // *Знание-сила.* 1998. № 2. С. 23.

8. *Брюнель-Лабрижон Ж., Дюамель-Амадо К.* Повседневная жизнь во времена трубадуров XII – XIII веков. М.: Молодая гвардия, 2003.; Ру С. Повседневная жизнь Парижа в средние века. М.: Молодая гвардия, 2008.; Дефурно М. Повседневная жизнь в эпоху Жанны Д'Арк. СПб.: Издательская группа Евразия, 2002.; Клулас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. М., Молодая гвардия, 2001. и др.

9. *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011.; Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия, 2012.; Черная Л.А. Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013.; Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013.; Борисов Н.С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М.: Молодая гвардия, 2010. и др.

10. *Гроссман Х.* Ржевский кошмар глазами немцев. М.: Яуза-пресс, 2010.; Эрнстхаузен А. Война на Кавказе. Перелом. Мемуары командира артиллерийского дивизиона горных егерей. 1942 – 1943. М.: ЗАО Центрполиграф, 2012.; Хаупт В. Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941 – 1942. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.; Альтнер Х. Я – смертник Гитлера. Рейх истекает кровью. М.: Яуза-пресс, 2013.; Рудель Г.-У. Пилот «штуки». Минск: Харвест, 2006.; Нидермайер Г., Вальтерс Й. Эсесовская гвардия в бою: Фронтовые мемуары ветеранов 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». М.: Яуза-пресс, 2011. и др.

11. *Илизаров С.С.* Формирование в России общества историков науки и техники. М.: 1993. С. 28.

12. *Борзунов С.М.* С пером и автоматом. М.: Воениздат, 1974.; Битва за Сталинград. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1972.; 1941. Юго-Западный фронт. Воспоминания, очерки, документы. Львов, Изд-во Каменяр, 1975.; Саушкин Ф.С. Хлеб наш солдатский. М.: Воениздат, 1980.; Бондарь В.И. Военнопленные. Записки капитана. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ Молодая гвардия, 1960. и др.

13. *Адам В.* Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. М.: Издательство Прогресс, 1972.; Видер Й. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М.: Прогресс, 1965.; Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939 – 1942 гг. В 3-х томах. М.: Воениздат, 1968 – 1972.; Кернер-Шридер П. Дневник немецкого солдата (полевая почта № 01622). М.: Воениздат, 1961. и др.

14. *Драбкин А.* Я дрался на Т-34. М.: Яуза, Эксмо, 2009.; Бескин И., Алексеева-Бескина Т. Правда фронтового разведчика. 27 месяцев на передовой. М.: Яуза, Эксмо, 2011.; Мариинский Е.П. Я дрался на «аэрокобре». М.: Яуза, Эксмо, 2005.; Кириченко П.И. Первым всегда трудно: Боевой путь 1-го танкового Интербургского Краснознаменного корпуса. М.: Яуза, Эксмо, 2007.; Святогорский плацдарм. 1941 – 1943. Документы и свидетельства участников боев. Донецк: 2008. и др.

15. *Федоров Н.* Философия общего дела. Соч. М.: 1982. С. 196.

L. J. Leninskaya Is, A. N. Limarev the THE HISTORICAL “TRUTH” AND SOURCE ISSUES

In article concepts of historical process from the point of view of a source study are analyzed. In them official documents as sources of historical knowledge are traditionally used. In the last decades interest in other party of history – daily occurrence history grows. This approach demands the careful analysis of documents of personal character. Authors consider different types of such artifacts and specifics of work with similar source study base. The special attention is paid to sources of the period of World War II and the Great Patriotic War. Only research of all complex of official and personal papers will allow, according to authors, up to the end to open all aspects of historical process.

Keywords: historical process, source study, historical documents, private papers, micro history.